

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА

**Сборники произведений
Виктории Токаревой**
в издательстве «Азбука-Аттикус»

О том, чего не было
Летающие качели
Ничего особенного
Извинюсь. Не расстреляют
Сказать — не сказать...
Римские каникулы
Антон, надень ботинки!
Можно и нельзя
Почем килограмм славы
Этот лучший из миров
Мужская верность
Птица счастья
Террор любовью
Дерево на крыше
Тихая музыка за стеной
Короткие гудки
Так плохо, как сегодня
Сволочей тоже жалко
Муля, кого ты привез?
Мои мужчины
Немножко иностранка

Виктория Токарева

Птица счастья

Повесть и рассказ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43
Т51

Токарева В.

Т51 Птица счастья : Повесть и рассказ. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 288 с.

ISBN 978-5-389-08022-5

«Онassis без кошелька... Ну и что? Кошелек надувается и сдувается, как проколота шина. А человек остается прежним.

Перед сном кошелек оставляют в тумбочке, а спать ложатся голыми. Человек ложится спать со своим здоровьем, совестью и любовью. Только это и имеет значение. А деньги — всего лишь удобство. И больше ничего».

В. Токарева

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-08022-5

© Токарева В.С., 2002, 2004

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Издательство АЗБУКА®

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

«Птица счастья завтрашнего дня прилетела, крыльями звеня, выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня...»

А если не выберет, пролетит мимо... Или выберет кого-то рядом, а ты останешься стоять с раскрытым ртом...

Надо проявить инициативу: высоко подпрыгнуть и схватить птицу за хвост, и сделать это раньше других.

Надька читала о том, что жена известного русского скульптора была любовницей Альберта Эйнштейна и при этом работала на нашу разведку. Вряд ли высоколобый Эйнштейн заинтересовался этой русской. Он был занят теорией относительности и не смотрел по сторонам. Наверняка жена скульптора сама проявила инициативу и

протырилась к великому Эйнштейну. А он согласился. Почему бы нет, когда само идет в руки. Вот тебе и птица счастья. Она дура, потому что птица. Летит себе безо всякой программы, крыльями звеня. Смешно рассчитывать на случай. Этот случай надо готовить.

Надька родилась еще при Брежневе в городе Ростове-на-Дону.

Надькины родители крепко обнялись после выпускного бала и зачали ребенка. Ребенка они не планировали ни в коем случае, он родился весьма некстати. Девочка Надя. Просто бездонный мешок, а не девочка. В этот мешок валилась вся жизнь.

Папаша слинял довольно быстро. Одно дело — обниматься после танцев, изнывать от страсти. И совсем другое дело — бегать каждое утро на детскую кухню за бутылочками.

Папаша сначала сбежал обратно в общежитие, потом в Москву. А потом и вовсе канул.

Надькина мама по имени Ксения честно выкормила своего ребенка до семи месяцев. Потом вручила бесценное сокровище своей маме, Надькиной бабушке, и отчала в Москву. Не за мужем, ни в коем случае. Ксения довольно быстро поняла, что

ее родной шумный зеленый городок — это глухая провинция. А все лучшее случается в Москве.

Ксения приехала в Москву и поступила в художественно-промышленное училище. Ей все и всегда нравилось делать руками. Она думала пальцами. Головой, конечно, тоже, но пальцы были умнее.

Ксения училась делать рамы для картин, работала с глиной, занималась обжигом, керамикой. Особенно хорошо получались круглые тарелки с синей глазурью.

Ксения не поленилась, выучила арабскую письменность. Арабская вязь шла по краю тарелки, и не просто буквы, а что-нибудь из Низами.

Все восхищались, кроме мастера, который вел курс.

— Слишком гладко, — говорил мастер. — Как штамповка. Хоть бы одна заусеница...

Ксения не понимала: зачем заусеница? Разве гладко — не лучше?

Ксения — блондинка с карими глазами. Редчайшее сочетание. За такое сочетание можно многое простить и не мелочиться с заусеницами. Но у мастера была манера: кого-то выбрать в любимчики, а кого-то задвинуть, как пыльную тапку под диван.

В любимчики вышел Герман Глебов — талант и пьяница, и красавец, между про-

чим. Ксения не могла от него глаз отве-
сти. Глаза как будто прилипали к его лицу,
и время останавливалось. У Германа были
просторные очи и высокие брови. «Ис-
полненный очей». Мальчишеский затылок
и трогательная шея. Говорили, что он из
дворян. Вырождающийся аристократ. Вы-
рождался Герман стремительно. Хотелось
подставить руки, как-то удержать. Ксения
и подставила, естественно...

Герман по месяцу не ходил на занятия.
Потом придет и притащит эскиз: кот с че-
ловеческим лицом. Что особенного? Все
звери похожи на людей, а люди — на зве-
рей. Мастер, например, похож на медведя
и одновременно на артиста Папанова. Но
мастер носился с этим котом, как с флагом,
совал всем под нос: среди нас живой Пи-
росмани. Однако живой Пиросмани стре-
мительно спивался, как будто встал на про-
грамму самоликвидации. Горел как факел.
И сгорел.

— Для России это нормально, — тяжело
вздыхал мастер. — В России каждый стоя-
щий пьет как свинья.

Получалось: чтобы попасть в стоящие,
надо иметь тяжкие пороки. А у Ксении
не было пороков. Одни достоинства. Она
была красивая, скромная, работающая, поря-
дочная. Если брала в долг, отдавала вовремя.

птица счастья

Если влюблялась — совершенно бескорыстно, и даже наоборот. Себе в ущерб. Герман, например. Она его кормила, опекала и даже носила на спине, как мешок с картошкой, в тех случаях, когда он не мог идти ногами.

В остальных случаях она просто крепко держала его за руку. Герман смеялся и говорил: — Что ты меня держишь? Я — это единственное, чего ты никогда не потеряешь...

И это правда. Он умер, а она его не потеряла. Он — в ней.

Он дал Ксении гораздо больше, чем мастер. Мастер только критиковал, а от критики у нее опускались руки. Когда Ксению ругали, она тут же верила, внутренне соглашалась: «Да, я ничего не могу. Я — никто и ничто».

Ксения заряжалась только от любви и восхищения. Герман говорил: «Ты лучше всех...» И Ксения тут же верила. Да. Она лучше всех. И у нее все получится...

В последний год они часто ссорились. Ксения уставала от его пьянства, бросала в лицо обидные обвинения. А Герман сказал однажды:

— У тебя будет все, но не будет меня. И тебе будет очень плохо...

После смерти Германа Глебова была выставка. Всем стало понятно, какая утрата. А Ксении стало понятно, что отныне и на-

всегда ее душа, как бездомный подросток, будет болтаться по вокзалам и подвалам. Что-то кончилось навсегда...

Ксения стала жить одним днем. Без особых планов. Куда-нибудь да вывезет.

«У тебя будет все, но не будет меня. И тебе будет очень плохо...»

Пока созидалась и рушилась судьба Ксении, Надька росла себе в Ростове-на-Дону. В доме бабушки с дедушкой текли ее детские годы, перетекали в отрочество. Надьке исполнилось тринадцать лет, и она вдруг заметила, что дедушка с бабушкой старые и несовременные. Ничего не разрешают. То нельзя. Это нельзя. Туда не ходи, с этим не дружи. А за плохие отметки прятали обувь как последние дураки. Сиди дома.

Надька удирала без обуви. Босиком. И по нескольку дней жила у подруг, чтобы проучить деда с бабкой. Пусть поволнуются. Они и волновались. У бабушки повышалось давление, дедушка визжал как подрезанный. Все кончилось тем, что старики позвонили Ксении и прокричали: — Забирай свою дочь и воспитывай сама! Что нам теперь, подыхать, если у нас внучка?..

Ксения понимала, что когда-то придется забирать Надьку. Но только не сейчас.

Сейчас она получила хороший заказ: сувенирные тарелки для магазина «Узбекистан». Это была большая удача. Это были деньги.

Наклюнулся вариант замужества. Не по любви, к сожалению. Просто фиктивный брак, из-за прописки. Прописка — это начало начал. Можно будет вступить в жилищный кооператив. Въехать в свою квартиру и тогда уже забрать Надьку.

Ксения упростила родителей подождать еще год-два. Родители согласились, куда деваться. Кто у них еще есть, кроме дочери и внучки. И они по большому счету согласились бы сдохнуть из-за внучки, но стало очевидно, что большой возрастной разрыв — через поколение — не работает. Девочке нужны молодые родители.

Ксения постепенно осуществляла свои планы: медленно, но верно. Заработала деньги, вступила в кооператив. Въехала в двухкомнатную квартиру. Квартира, правда, оказалась не солнечная. Окнами на север. Ксения смотрела по утрам, как солнце освещает дом напротив. Солнечные лучи ходили по стене, медленно перемещались, заглядывая в чужие окна. Пусть повезет другому. Ксения была рада за других. У нее отсутствовала шишка зависти. И шишка

жадности тоже отсутствовала. Она не торговалась с заказчиками, сколько давали — столько и спасибо. С ней было приятно иметь дело: обязательная, деликатная, красивенькая. И качество на высоком уровне. В результате она никогда не сидела без работы. Срабатывал принцип: тише едешь — дальше будешь. Народная мудрость, проверенная временем.

Единственное, чего хотелось по-настоящему, — это любви. Чтобы вместе убирать квартиру, вместе ложиться спать, вместе таскать тяжести, неперенные в ее работе.

И вместе молчать. Так тяжело молчать одной...

Ксения отвыкла от дочери и старалась оттянуть ее появление. Но Надька все-таки возникла в свои пятнадцать лет, нарисовалась в полный рост. Варламовская порода. Ничего общего с Ксенией. Ксения — славянка, а Надька — азиатская девочка. Поговаривали, что в варламовском роду когда-то проскочил монгол. В Надьке он проявился весьма отчетливо. Припухшая линия верхнего века, сильные волосы, черные, как антрацит, а глаза серо-зеленые, как авокадо. Надька была красивая и некрасивая одновременно, как камень александрит, меняющий цвет в зависимости от освещения. При плохом настроении она вся уходила в свой

вислый нос. А при хорошем — японка с дорожного календаря. Разница в выражении глаз. У японки с календаря — женственная покорность. У Надьки — настороженное ожидание: с какой стороны подойдут, кому врезать?..

Ксения смотрела на свою дочь, испытывала разные чувства. С одной стороны — родная кровь. С другой стороны — как поваленное дерево на дороге. Не свернуть, не объехать и не оттащить. И в дом никого не привести, дабы не подавать дурной пример. И обратно в Ростов не отправить.

Ксения определила Надьку в близлежащую школу, в девятый класс.

Появились подруги, Нэля и Нина. Образовалось общение с себе подобными. Налаживалась своя жизнь.

Надька по вечерам ходила в гости. Сидела то у Нэли, то у Нины.

У Нэли было интереснее: мама на работе, пустой дом, целые полки журнала «Америка». Можно часами сидеть и рассматривать таинственные черно-белые фотографии, переворачивать страницы мелованной бумаги, заглядывать в ИХ жизнь.

Однажды Надьке попалось интервью с Жаклин Кеннеди. Журналист спросил: как она может после красавца Джона Кен-

неди выйти замуж за лысого коротышку Онассиса? Жаклин ответила: «Когда Аристотель Онассис встает на свой кошелек, он становится самым высоким».

Молодец Жаклин. Не смутилась. Делает так, как считает нужным.

У Надьки загорелись глаза, как у кошки в ночи. Она поняла: вот ее путь. Она не будет продолжать трудовую стезю своих предков.

Дедушка и бабушка — люди с высшим образованием. Врачи. Как они живут? Одни обои чего стоят... Их счастье в том, что они никогда не жили по-другому, им не с чем сравнивать. Они просто не знают — КАК они живут.

А Ксения: десять лет прошло, пока купила квартиру. Еще десять лет на остальное. А там и молодость прошла. А в старости — не все ли равно...

Надька отложила журнал, но в ней что-то щелкнуло. Лицо Жаклин с плоской переносицей и широко разбросанными глазами стало путеводным.

Помимо журналов «Америка», у Нэлиной мамы был полный набор французской косметики и трельяж в три створки.

Девочки красились и смотрели на себя в трех проекциях: прямо, с боков и со спины. Потом раздевались догола и тоже

смотрели на себя в трех проекциях. Захватывало дух от смелости и стыда.

Единственное плохо: у Нэли была неинтересная еда — гречневая каша, колбаса. А у Нины — полный обед и домработница Нюра в придачу, которая ставит тарелки под нос, а потом убирает.

Надька норовила оказаться у Нины в обеденное время. Нюра кормила и задавала некорректные вопросы типа:

— А где твой папа?

Приходилось отвечать, что у папы другая семья и другие дети.

— А ты с ним встречаешься?

Как можно встречаться с человеком, который живет в Нидерландах? Одно слово чего стоит: Нидерланды.

— А кем ты хочешь быть? — приставала Нюра.

— Не знаю, — лукавила Надька.

Она прекрасно знала, кем хочет быть. Женой миллионера. Но если сказать вслух — засмеют.

Нэля хотела стать киноведом и учила языки, чтобы смотреть фильмы в подлиннике. Нина решила поступать в архитектурный и брала уроки рисования. Но сколько времени надо корячиться, чтобы заработать на пристойную жизнь? Два поколения как минимум. Сто шестьдесят лет. А если

выйти замуж за Онассиса, то получишь все и сразу и не потеряешь ни одного дня.

После обеда Надьку выставляли. Нина готовилась в институт, к ней приходили педагоги.

Надька возвращалась домой. Ксения начинала все сначала.

Песня про белого бычка.

— Куда ты хочешь поступить?

— А зачем? — спрашивала Надька.

— Как зачем? — ужасалась Ксения. — У меня два образования.

Она имела в виду музыкальную школу-семилетку.

— И что толку от твоих двух образований?

— Мне интересно жить. Я люблю свою работу.

— Ты просто не знаешь, как другие живут.

— А как они живут?

— Смотря кто. У некоторых свой самолет и свой остров.

— А зачем нужен свой остров? — не понимала Ксения.

— Можно раздеться голым и ходить. Знаешь, как здорово ходить нагишом?

— Не знаю. А ты откуда знаешь? — пугалась Ксения.

Дедушка и бабушка всю жизнь прожили в двенадцатиметровой комнате. А Надьке остров подавай. И откуда это в ней? Чьи

гены? Не от монгола же... А может, как раз оттуда. Там — степи, на многие километры полтора человека. Простор остается в генах.

Ксения хотела для дочери своей судьбы: медленно, но верно. И сама. А потом в старости можно сидеть и наслаждаться плодами трудов своих.

Но Надька не хотела медленно, из года в год. Надька хотела сегодня и сейчас. А наслаждаться можно и чужими плодами. И не в старости, а в молодости, когда желания кипят торжествующе и оголтело.

Мать Нины, большеротая певичка, вернулась из Венгрии и привезла Нине штаны — бананы с большими карманами на коленях и на ягодицах. Девчонки мерили наперебой. Балдели. Надька крутилась перед зеркалом и понимала, что уже не сможет видеть себя в своих старых джинсах фирмы «Ну, погоди»... Нэля и Нина справедливо отметили, что на Надьке бананы сидят лучше всех. У нее самые длинные ноги и самая круглая попка.

Вечером Надька плакала. Ксения злилась. — Нет возможности, — строго говорила Ксения. Она была строгая мать. — Почему у Нины есть возможность, а у меня нет?

— Потому что у нее работают отец и мать.
А я — одна.

— А почему у меня нет папы?

— Так получилось. Мы были разные.

— У Нины тоже разные.

Мать Нины — эстрадная певичка — постоянно подъезжала к дому на разных машинах. А отец Нины всегда возвращался с работы пешком и хмурый. Казалось, нет более разных людей. Непонятно, что их связывало. Нина — вот что их связывало. Каждый со своей стороны любил Нину больше всего на свете. Такая любовь, полученная в детстве, дает запас прочности на всю жизнь.

А Надьку никто не любит. Дед с бабкой далеко. Отец — в Нидерландах. А мать — вся в своих горшках и тарелках.

Ксения иногда жалела: зачем развелась с Варламовым? Зачем пошла на поводу у своих незрелых чувств — ревности, самолюбия, нетерпения... Тогда казалось, что вся жизнь впереди — и главная любовь впереди. Однако ничего не складывалось: ни главная, ни второстепенная. Видимо, Высший Судья решил: «Здоровье и успех в работе я тебе дам. А вот счастья в личной жизни не дам. И не проси».

Невозможно иметь все сразу. Что-то одно. Ну, два... И это еще хорошо. У других и этого нет.

Девочки закончили девятый класс. Разъехались на каникулы. Нэля с мамой отправилась в Прибалтику. Нина — в Сочи к родственникам отца. А Надька загорала у себя дома на балкончике, заставленном канистрами из-под красок.

Надька представляла себе Нэлю на Балтийском море среди сдержанных голубоглазых прибалтов. Нину — на Черноморском побережье среди жарких южан. И себя на балкончике. Почему такая несправедливость?

— Почему ты не отдыхаешь? — допытывалась Надька у матери.

— Я не люблю сидеть без дела. Мне скучно.

Ксения находила равновесие только в труде, когда руки заняты и голова занята. А когда все свободно — и руки и голова, — лезут мысли, одна другой печальнее. Давний дружок Коля-Николай, бедный художник с вихром на макушке, который она никогда не могла пригладить, взял да и женился на двадцатилетней. Сообщил по телефону: так, мол, и так... И еще Надька — ходит, ноет, не знает, куда себя деть.

От нечего делать Надька написала стихи, почему-то от мужского лица: «Я смотрю на твои колени, взгляд мой нежен, и чист, и смел. Я люблюсь и сожалею, что таких никогда не имел».

Ксения прочитала и сказала:

— Ерунда.

— Почему ерунда?

— По всему. Кто это смотрел на твои колени? Где?

— Везде. В автобусе. В метро.

— О господи...

Ксения не чувствовала Надьку. И не хотела напрягаться. Для того чтобы почувствовать другого человека, надо отвлечься от своих дел и мыслей. Надо отодвинуться и посмотреть на расстоянии. Но близкие люди существуют слишком тесно, а лицом к лицу — лица не увидеть.

Надька показала свои стихи Нэлиной маме. Все-таки она редактор, работает в журнале.

Нэлина мама прочитала и сказала:

— Стихи незрелые, но есть темперамент. Энергия. Смелый посыл.

Вот пожалуйста... Чужой человек нашел смелый посыл, а родная мать ничего не находит... Гасит. Тянет за ноги вниз.

Нэлина мама была вдова. Ее муж-летчик исчез при невыясненных обстоятельствах. Самолет перевозил какой-то груз в Африку. И пропал — самолет и экипаж. Может быть, упал в джунгли, их тела съели дикие звери. Никто ничего не знает. Установить не удалось.

Пропавший отец и муж становится легендой семьи, иконой, гордостью. Его портрет с засушенной розой висит на самом видном месте. Нэля проверяла свои поступки мнением отца: это папе бы понравилось. Или — папа так бы не поступил... Отец был ориентир.

А отца, бросившего семью, хочется скрыть, как позор. Надька завидовала, что у Нэли есть ориентир, а у нее нет. Плыла по жизни без руля и без ветрил. Куда занесет, туда и занесет.

Надьку часто заносило на Ленинские горы. Ей нравилось стоять на смотровой площадке и смотреть на панораму Москвы. Москва — большая, необъятная, как планета. А Надька — песчинка. Жалкая половинка. Так хотелось составить с кем-то целое... С президентом, например. Стать первой леди. Или с Онассисом — и положить Москву в карман. Подсвеченные солнцем, плыли лиловые облака, меняя очертания.

Через год девочки поступали в институт. Нина — в архитектурный, Нэля — во ВГИК, на киноведческий, а Надька — в педагогический. У Ксении там были знакомые. Но и знакомые не смогли помочь. Надька провалилась с треском.

Надька боялась возвращаться домой и пошла к Авету. Они вместе поступали и вместе провалились. Друзья по несчастью.

Авет уговорил остаться ночевать, у него была своя комната.

Надька теряла свою невинность очень глупо — и совершенно бесплатно, и безо всякой любви. Этот Авет даже не понял, что она девственница, а утром даже не предложил чаю.

Мать Авета, закопченная армянка, зыркнула глазом. Спросила:

— Что, женилка понравилась?

Надька не знала, как ответить на этот вопрос, и сказала:

— Ну почему? Авет очень хороший юноша...

Что касается женилки — Надька ничего не поняла и ничего не почувствовала толком. Целоваться — и то интереснее.

Надька устремилась к подругам и сообщила сокрушительную новость. Состоялось производственное совещание.

— Просто ты не умеешь, — прокомментировала Нина. — Центр удовольствия находится в мозгу.

Надька вытаращила глаза. Она не представляла себе, как может женилка проникнуть в мозг.

Нина взяла листок бумаги, карандаш, быстро начертила раковину и эроген-

ные точки. И цифрами поставила: что, где и в каком порядке. Нина была сильна в теории. А может, и не только. Сие тайна, покрытая мраком. Нэля тоже не распространялась на свой счет. Подруги были тихушницы. Дружба, называется.

Дружба для того и существует, чтобы выворачивать душу, как карман. А иначе — какой смысл? Надька была открытым человеком, себе во вред, разумеется...

— У тебя вода в жопе не держится, — замечали подруги.

— А зачем она там нужна? — возражала Надька.

Подруги определились по части образования. Нина поступила в архитектурный, Нэля во ВГИК, на киноведческий, как будто кто-то будет читать ее статьи. И читать не будут, и заплатят кошкины слезы. Выйдет замуж за такого же киноведа, будут разговаривать об умном и питаться магазинными пельменями.

В том же журнале «Америка» Надька прочитала: дочь Онассиса Кристина вышла замуж за русского парня. С ума сойти... Кристина влюбилась настолько, что переехала в Москву и поселилась в четырехкомнатной квартире.

Надька рассматривала фотографию везунчика: ничего особенного, какая-то проб-

лема с глазом. И вот пожалуйста... Значит, птица счастья действительно летает и кому-то садится на плечо.

Ксения устроила Надьку работать секретаршей в художественно-промышленное училище. Но Надьке было там скучно. Она складывала руки на стол, голову на руки — и спала. Заведующая учебной частью не могла на это смотреть. Как ни откроешь дверь, Надька, как тюлень, лежит грудью на столе, а лицо такое, будто она его отлежала. Грозилась выгнать, но Надька и не держалась за эту копеечную должность. У нее были совершенно другие планы.

Где водятся иностранцы? В Большом театре, на Красной площади, в цирке и на смотровой площадке.

В Большой театр не попасть, Красная площадь — далеко от дома. А смотровая площадка на Ленинских горах — четыре остановки на троллейбусе.

Надька приходила на площадку как на дежурство, и сердце каждый раз замирало: а вдруг?..

Это был вторник. Надька запомнила, потому что в этот день выдавали зарплату.

Шел мелкий дождь. Народу на площадке — никого, если не считать торговцев сувенирами.

птица счастья

Возле матрешек стоял белесый немец и торговался. Продавец показывал ему четыре пальца, а он в ответ — три.

Продавцу надоело, он махнул рукой. Лучше продать за три доллара, чем не получить ничего.

Немец взял матрешку. Он был доволен, поскольку сэкономил целый доллар, то есть полторы марки. А полторы марки в России — большие деньги.

Надька приблизилась к нему и спросила:

— Который час? — Проявила инициативу. Лучше белобрысый немец, чем ничего.

Немец пристально посмотрел на Надьку. Он не понимал: что ей надо? А Надька в это время рассматривала его лицо, юношеские прыщи на лбу, неинтересную худобу. Он был не стройный, а тщедушный. Как будто недоедал.

Надька показала на часы. Немец решил, что русская хочет купить часы, и активно затряс головой, дескать, не продается.

— Найн!

— Да не нужны мне твои часы. Просто время... — Надька ткнула пальцем в часы.

Немец вглядывался в Надьку, пытаясь сообразить, что ей надо. И вдруг увидел небывалую красоту: черные шелковые волосы

пересекали лицо, азиатская линия века, а глаза зеленые, как крыжовник на солнце. Яркая белизна зубов поблескивала за спелыми губами.

Далекий монгол долго размывался славянской кровью, пока не получился такой вот результат.

Надька стояла во всей красе. Немец не мог отвести глаз. Он все смотрел и боялся, что она уйдет. Потом стащил с руки часы и протянул Надьке. Это был его первый и единственный подарок.

Через год Надька вышла замуж. Его звали Гюнтер. Ксения не препятствовала. Гюнтер имел образование: инженер. Но быть инженером на Западе — это не в России. Там инженеры ценятся и оплачиваются наравне с адвокатами и врачами.

Надька к Гюнтеру ничего не испытывала, воспринимала как колеса. Он вывезет ее из Страны Советов и легализует.

Во время позднего застоя на Запад можно было выехать тремя путями: невозвращенец, диссидент, законный брак. Невозвращенец — опасно и хлопотно. Заметным диссидентом стать непросто. Для этого надо быть выдающимся человеком, Солженицыным или Ростроповичем. Законный брак — самое доступное. Собрать

нужные бумаги. Выхать. Осмотреться — и вперед, к сияющим вершинам. Весь мир в твоём распоряжении. Это тебе не смотровая площадка.

Свадьбу делать не стали, не хотели афишировать жениха. Ксения боялась, как бы чего не вышло. Она вообще всего боялась. Художники так зависимы. Перекроют кислород, перестанут давать заказы — и что дальше? Ксения — не борец, тем более с государством. Государство такое большое, а она такая маленькая...

Из Ростова приехали бабушка с дедушкой. Им очень понравился Гюнтер — скромный, воспитанный. Он воспитает Надьку, выучит. Сделает из нее человека. Здесь, при Надькиной лени, ей больше нечего ловить.

Включили музыку. Надька пригласила деда на танец. Дед всегда хорошо двигался и сейчас уверенно впечатывал ноги в дешевенький паркет. На Надьке было очень красивое платье из белого креп-сатина, оно ловко обхватывало ее литое тело. И Ксения вдруг заплакала. Ей стало жалко Надьку — куда она едет в чужие края, на чужие руки? И себя жалко — молодость ушла, помахала ручкой. И доверчивого дурака Гюнтера, ополоумевшего от любви...

Что за жизнь: хочешь одно, а получаешь совсем другое... Единственное утешение: все так живут. Никто вокруг не счастлив окончательно.

Город Мюнстер не пострадал во время Второй мировой войны. Русские бомбы его не затронули. Может быть, не успели. Германия капитулировала, и отпала необходимость разрушать эту красоту.

Центр города — горбатая улочка, мощенная поблескивающей брусчаткой. По бокам — старинные дома, деревянные темные балки проступают сквозь белую штукатурку. Все дома разные, каждый — на свой лад. Окна сверкают чистотой. Немки помешаны на окнах. Окно — визитная карточка хозяйки.

Надька не понимала этого немецкого пристрастия. Она не любила убирать. И готовить тоже не любила. Гюнтер готовил сам — хорошо и быстро. У него не было другого выхода.

Надька предпочитала гулять по магазинам и рассматривать, что там предлагали. А предлагали все! Это был мануфактурный рай. Сады Семирамиды. Выходное, повседневное, спортивное, обувь, сумки, шубы... Дорогие магазины, средние, дешевые... Это не то что в Москве у спекулянтов — хлам, прошедший через десять рук. Здесь все из первых рук: смотри и выбирай.

содержание

птица счастья.....	5
свинячья победа.....	229

Литературно-художественное издание

токарева
виктория самойловна
ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Редактор Д. Гурьянов
Художественный редактор П. Подколзин
Корректор Т. Дмитриева
Технический редактор Л. Сеницына
Компьютерная верстка Т. Коровенковой

В оформлении обложки использовано фото
© Stieber/shutterstock.com
Фото на задней стороне обложки © В. Плотников

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «Колibri»
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

ЧП «Издательство «Махаон»
61070, Харьков, ул. Ак. Проскуры, д. 1
Тел. (057) 315-15-64, 315-25-81
e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

16+

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 28.03.2016
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Original Garamond»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12

Тираж 5000 экз. В-ТIG-16025-01-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru